

**БЕНДЖАМИН
КОНСТЭБЛ**

БЕНДЖАМИН
КОНСТЭБЛ

ТРИ ЖИЗНИ
ТОМОМИ
ИШИКАВА

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К65

Серия «Ангелы и демоны»

Benjamin Constable

THREE LIVES OF TOMOMI ISHIKAWA

Перевод с английского *В.С. Сергеевой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Greene and Heaton Ltd., Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Констэбл, Бенджамин.

К65 Три жизни Томоми Ишикава : [роман] / Бенджамин
Констэбл ; [пер. с англ. В. С. Сергеевой]. — Москва :
АСТ, 2015. — 320 с. — (Ангелы и демоны).

ISBN 978-5-17-084282-7

Загадочная красавица Томоми Ишикава по прозвищу Бабочка, оставив предсмертную записку, бесследно пропала.

Некоторое время спустя ее друг-писатель Бен начинает получать от нее письма. Бабочка шлет ему ссылки на таинственный код, искусно спрятанный в ее дневнике, на жестком диске компьютера, в публичных местах в горшках с цветами, за статуями — и много где еще. Из старинных переулков Парижа — на залитые светом улицы Нью-Йорка... В поисках разгадки писатель движется все дальше и дальше. И постепенно его начинает терзать вопрос: а действительно ли Бабочка мертва? Правда ли то, о чем она пишет? Но если нет, то зачем она затеяла эту игру?

Полностью размытая связь между реальным и ирреальным, между жизнью, вымыслом, правдой, ложью и художественным воображением. Странная и завораживающая история самой необычной дружбы, которая только может существовать на свете.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-084282-7

© Benjamin Constable, 2013
© Перевод. В.С. Сергеева, 2015
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

Предисловие

— Я хотел бы написать книгу, главными героями в которой были бы мы с тобой, — сказал я Томоми Ишикава, рассеянно расставляя вещи на столе.

— Хорошо, — ответила она и закашлялась. — В книге я могла бы заболеть туберкулезом. Мы бы уехали жить в Италию, где ты проводил бы вечера, попивая абсент с женщинами дурной репутации, и писал бы ужасные романтические стихи, которые читал мне потом на смертном одре, а я бы говорила, что меня убивает красота твоего творчества.

Я перестал смеяться.

— Я не совсем это имел в виду.

— Правда? — удивленно спросила она. — А что же?

— Просто историю двух людей, которые встречаются и разговаривают на разные темы.

— Хм... да, неплохо, — произнесла Томоми Ишикава. — А в чем интрига?

— Ни в чем. Ни романтики, ни приключений, ни...

— Подожди, подожди, ты, наверное, ошибся. Это же скучно. В такой книге должны быть, по крайней мере, измена, украденная картина и говорящая собака. Или обезьяна.

— Э...

А я-то думал, что моя идея ей понравится.

— Ну ладно, там будет какая-нибудь тайна. Например, серия убийств, которые нам придется раскрыть.

— Так, — сказала Томоми Ишикава, — но кто же их совершит?

— Ты! — я улыбнулся.

— Я? Ну спасибо, Бен Констэбл. Я сменю имя на Уинси, и тогда ты назовешь книжку «У» — значит «Убийство».

— Нет! — теперь уже я рассмеялся. — Нет. Меня будут звать Бен Констэбл, а тебя Томоми Ишикава.

— Но нас и правда так зовут.

— В том-то и суть.

— Э... ладно. Или можешь назвать меня Бабочкой, это не так официально.

— Бабочка останется твоим прозвищем, — заверил я. — И замысловатый сюжет уведет читателя в Париж и Нью-Йорк.

Она подалась ко мне через стол.

— А что, если Бен Констэбл станет первой жертвой?

Я тоже наклонился.

— Эта идея мне не нравится.

— Тебе даже не нужна моя помощь?

— Ну...

— Как ты думаешь... — мы оба замолчали, дожидаясь, кто заговорит первым, и Томоми Ишикава взяла с тарелки моллюска. — Как ты думаешь, мне удастся избежать смертной казни? Такой унылый финал после блестящей преступной жизни.

— Никакой смертной казни, — ответил я. — Я даже не уверен, что будут убийства. Ты представляешь книгу не так, как я, Томоми Ишикава. Я хочу написать о необычной дружбе. Незачем портить ее лишним вымыслом и всякими фокусами.

— Но ты сказал...

— Она будет о таких вещах, как этот наш разговор.

— Они говорили, пили и смеялись до глубокой ночи.

— Именно, — подтвердил я. — Наша реальность увлекательней любой фантазии.

— Ну конечно, — она улыбнулась. — Но, возможно, тем же вечером вымышленная Томоми Ишикава выследит других женщин, сидевших в баре. — Она взглянула на людей за соседним столиком и понизила голос: — И убьет одну за другой, обмотав обнаженные тела их же кишками.

— Напиши лучше свою книгу, — предложил я.

Она ненадолго задумалась.

— Да, может быть, я так и сделаю.

Часть 1

15 марта – 17 августа 2007

Глава 1

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ОТ БАБОЧКИ, КОТОРОЕ ИЗМЕНИЛО ВСЁ

Париж, 15 марта 2007

Дорогой Бен Констэбл, тебе, наверное, очень хочется знать, отчего я послала бумажное письмо, а не сообщение или письмо по электронке. Почему я просто не позвонила, чтобы поболтать и посмеяться, или не подождала, пока мы окажемся за столиком в углу людного кафе, сидя боком на стульях, спиной к стене, чтобы не выдыхать дым в лицо? Наши куртки висят на вешалке у двери, издалека пахнет дождем, капли ручейками стекают по стеклу, а мы пристально смотрим друг на друга, потому что разговор стал чуть более напряженным, и аккуратно ставим локти, чтобы не уронить чашку кофе или, еще того лучше, бокал с вином. И почему — возможно, спросишь ты себя — мое письмо отпечатано, а не написано от руки (так было бы ин-

тимнее), при помощи изящного и почетного искусства каллиграфии?

Не сомневаюсь, ты догадываешься, что время, которое ушло на написание этого письма, и усилия, затраченные на отправку, намекают, что его содержание и цель гораздо значительнее, чем развлечение от безделья в бессонную ночь или желание польстить тебе тем, что ты — частый гость моих мыслей.

Как насчет тактильного удовольствия от прикосновения к бумаге, Бен Констэбл? Почему бы не написать просто ради многогранного наслаждения, которое доставляет письмо; ради того чтобы понежиться среди слов, ради бремени тысячелетних традиций написания писем?

Ты прав, конечно, объяснение есть, хоть мне и не хочется его озвучивать, потому что тебе оно не понравится. Если бы только я могла сказать что-нибудь веселое, ласково ошеломить тебя образами и предвкушением чуда! Но боюсь, это письмо не такое. И я сбиваюсь, если пытаюсь подсластить пилюлю. Ох, если бы я могла сделать так, чтобы ты улыбнулся.

А теперь, посеяв семена мрачного предчувствия, больше не стану уклоняться от темы. Но суть письма застряла где-то между стоящим в горле комком и дрожащими пальцами. Если долго избегать главного, может быть, проблема исчезнет или скроется в недрах памяти, как дурной сон. Но, увы, она не из тех, что уходят легко.

Ну неужели все так плохо? Я не твоя девушка и не уйду к другому. Я не твой босс, и ты не уволен. Ты не сделал ничего плохого, не обидел меня, я не сержусь, я люблю тебя (но письмо не об этом, кстати, я не собираюсь самым неловким образом унижаться перед тобой и умолять, чтобы мы провели наши жизни в совместной скуке и состарились в объятиях друг друга).

Если причина моего письма по-прежнему скрыта загадочной пеленой, то, я полагаю, уже стала ясна моя привычка оттягивать неизбежное. Как тебе известно, я с давних пор получаю постыдное удовольствие, избегая любых затруднений. Чаще всего проблема подобна деликатесу, которым можно насладиться; предвкушение — это мучительный восторг, который подступает с нестерпимой медлительностью, и с каждой отсрочкой нарастает напряжение и продлевается блаженство.

Но то, что я хочу сказать, очень важно, и, к сожалению, несет с собой мало радости. (Замечу мимоходом, что манера ходить вокруг да около — в некотором смысле отличная метафора нашей дружбы. Никто из нас не чужд бесконечным разговорам, которые льются по извилистому руслу, медлят на отмелях, плещутся вокруг небольших камней, замирают в глубоких заводях, крутятся в водоворотах и создают неожиданные течения, потому что опыт путешествия радостен, а достичь океана значит поставить точку. Может быть, мы отдаленно догадываемся, что время никогда не закончится и нам никогда не наскучит, что река не перестанет течь, как будто лирическое отступление способно длиться вечно, скобки никогда не придется закрывать и возвращаться к исходной мысли, ведь ее ничего не стоит продолжить в какое-нибудь другое, неопределенное время до истечения вечности, и даже тогда предложение завершится многоточием... И я чувствую, что нам бы и это сошло с рук, если бы не один важный момент, который все портит. Есть один очевидный факт, о котором ты знаешь, Бен Констэбл. Он заключается в том, что смерть подытожит наш разговор намного раньше, чем закончится вечность.)

И, к сожалению, я подхожу к главному вопросу; если бы я только сказала об этом раньше! А я ведь попыталась однажды, до того как поближе тебя узна-

ла — тогда казалось проще. Помнишь, Бен Констэбл, ты пил с друзьями в баре, в нескольких улицах от твоего дома, а я позвонила, чтобы спросить, как дела (мне взгрустнулось)? Ты предложил присоединиться; я не хотела вам мешать и собиралась скоро уйти, но ты разговаривал почти исключительно со мной, потом твои друзья отправились куда-то на вечеринку, а мы остались и пили вино до самого закрытия. Мы прошли по Менильмонтан, и я показала тебе мощенную булыжником улочку на самом верху, там есть секретное местечко, где можно посидеть, и проблема снова отдалилась. Я была просто счастлива поболтать с тобой. Мы смеялись вполголоса, чтобы не беспокоить окрестных жителей, и я перестала грустить, тема совершенно забылась. Возможно, так началось то перенасыщенное словами, бесконечное предложение, которое представляют собой все наши разговоры (беспечные отступления плюс моя уклончивость). Я горжусь собой — кажется, я сочинила еще целый абзац, так и не объяснив, зачем я пишу письмо.

Но сейчас я не шучу, потому что на сей раз смысл — не последняя вещь. Это как спусковой крючок, начало чего-то нового и большого, начало приключения, Бен Констэбл. Поэтому слушай (я медлю, пытаюсь придумать какую-нибудь важную отговорку, но тщетно): суть в том, что я скоро умру.

Разумеется, смерть однажды настигнет нас всех, но я умру скоро. Оттого не собираюсь тянуть, отчаянно цепляясь за угасающие сумерки моей жизни; я намерена покончить с собой. Извини. Сомневаюсь, что тебе это понравится. Но я хочу попрощаться.

Еще я хочу сообщить, что ты унаследуешь одну вещь, точнее, много вещей, которые я создавала годами, задолго до того, как узнала о твоём существовании —

в общем, с детства. Я пока не скажу, что это такое. Это сюрприз.

Когда письмо попадет в твои руки, я уже буду несколько часов как мертва. Я пишу, Бен Констэбл, и грущу, потому что я уже по тебе скучаю. Так жаль заканчивать нашу дружбу. Но мне нравится иметь власть над собственным концом. Думаю, ты меня поймешь, ведь ты знаешь, что финал не всегда ставит точку. Это всего лишь вопрос терминологии, подходящее место, чтобы сменить вид деятельности, тему или темп.

Можно кое-что сказать? Ничего особенного, глупости. Даже сейчас мое внимание цепляется за разные мелочи, которые я люблю и о которых вспоминаю с нежностью. Я бы хотела поделиться ими с тобой. Хотела бы, чтобы ты про них знал.

Первое сокровище — это то, что мне видно, когда я пишу. Я люблю очертания деревьев ночью, люблю смотреть сквозь голые ветки на сквер внизу, где в солнечные дни люди собираются вокруг затейливого фонтанчика или выходят из кафе поболтать. Люблю величественную лестницу, которая ведет к двери церкви, возвышающейся над соседними домами, как часовой. Я обожаю смотреть на вещи, которые окружают меня, — у каждой своя история, которая умрет вместе со мной, а остановившиеся часы на стене экономят мои драгоценные секунды. Стрелки указывают на двадцать минут четвертого, оптимистично предлагают не торопиться и завершить последнее дело. Я буду скучать по моим часам и воображаю, что и они будут скучать по мне.

Записывая эти слова, я вспоминаю, как люблю писать. Возможно, есть нечто интимное при написании письма от руки, и ты можешь полюбоваться моим паукообразным почерком, когда ты царапаешь пером и разбрызгиваешь чернила, но, сидя за компьютером,

я предпочту печатать, потому что в стремительном потоке букв столько слов, и в щелчке каждой клавиши я обретаю себя. В эту минуту я — единое целое.

На улице идет мелкий дождь, фонари окружены золотым ореолом, и я хотела бы выйти наружу, чтобы волосы намокли от дождя, и капли побежали по носу, а я бы пыталась их сдуть и вытереть лицо рукавом, хотя это и не подобает воспитанной женщине, но я никогда и не считала себя таковой (ну, может быть, только раз). Париж и дождь тоже занимают свое место в сундуке с моими любимыми сокровищами.

Помнишь день, когда небо почернело, и ты позвонил мне с какого-то высокого места, наверное с Монмартра, и сказал, что к моему дому приближается гроза и что тебе видны стены дождя, движущиеся через город? Пока мы разговаривали, ты отмечал, что дождь пойдет через две минуты, одну минуту, тридцать секунд, потом начал обратный отсчет от десяти, а когда дошел до нуля, спросил, не началось ли, и я сказала «нет», а в следующую секунду с неба за окном пролился целый океан, и ты, наверное, сиял от гордости, ну или, по крайней мере, так я подумала, потому что, признай, всем нравится быть правыми. Я впечатлилась.

И еще кое-что я люблю, совершенно невероятную вещь. На линии метро «7-бис», между станциями «Бют-Шамон» и «Боливар», рельсы сворачивают вправо, и примерно через сто или сто пятьдесят метров на левой стене туннеля видно сад. «Сад» — это слишком сильно сказано, там всего лишь одно маленькое растение, больше похожее на сорняк, который пробился через стену или пустил в ней корни, но другие растения под землей я не видела. Никогда не успевала разглядеть его как следует, но оно там есть. Иногда я езжу туда-сюда по шесть раз подряд, чтобы хорошенько рассмотреть. Я буду очень рада, если ты как-нибудь

сумеешь его сфотографировать или, может быть, даже спрячешься на станции, подождешь до закрытия и проберешься по рельсам, чтобы потрогать изголодавшиеся по солнцу листочки, и это будет настоящее приключение: охранники увидят тебя на мониторах и пойдут искать, а ты удерешь и найдешь секретный выход из метро и выберешься через канализационный люк в каком-нибудь тускло освещенном переулке. Ура, победа!

Остается только нажать «печать» и вложить страницы в конверт. Потом, когда ты уйдешь на работу, я пойду к тебе и суну письмо под дверь. Но еще так много хочется сказать — очень, очень много. А может быть, ничего не надо. Может быть, нужно смириться с тем, что письмо кончено, что гипнотическое урчание клавиш прекратилось, что предложение никогда не будет закончено, а вступление возобновлено, и мне очень хочется потянуть время еще чуть-чуть. Наверное, потому что я трусиха, и если буду писать вечно, то не умру, но, честное слово, я просто не знаю, что сказать. Сомневаюсь, что стоит рассказывать, как я купила два кожаных кресла, или перечислять растения на окне. Кстати, растения на окне — еще один фантастический сад, зеленый уголок, где можно задержаться. А я тебе рассказывала?.. Я рассказывала?..

На часах по-прежнему двадцать минут четвертого, и еще немного времени есть, но мне уже пора.

Бен Констэбл, тебя ждут приключения, и я жалею, что не услышу про них, что мы не будем больше гулять за полночь, бегать под дождем, прятаться под деревьями на крошечных улочках. Я уже по тебе скучаю.

До свидания.

Целую-обнимаю,

Бабочка

По пятницам я улыбаюсь. Я вижу в зеркале свое смеющееся отражение, когда смываю с рук рабочую неделю, прежде чем отправиться домой. Я обожаю выходные и сюрпризы, которые сыплются из ниоткуда. Я со всеми прощаюсь, шагаю по улице и бегу по эскалатору в метро. Пропускаю других вперед, помогаю женщине с тяжелыми сумками, отдаю лишнюю мелочь попрошайке и уступаю место совершенно незнакомому человеку. Я стою, прислонившись спиной к стене вагона, и подумываю, не достать ли книжку, но предпочитаю просто смотреть, как люди входят и выходят, и ловить обрывки разговоров, выдернутые из контекста.

В кармане звонит телефон.

— Et alors?

Когда в пятницу так начинается разговор, это значит: «Ну что, неделя прошла хорошо?» и «Ну что, пойдем поиграем?» Сегодня вечером, как мне сообщили, мы с друзьями собирались вместе поужинать, потом сходить на вечеринку, где будут музыка, танцы и незнакомые люди. Мы решили встретиться в полвосьмого за аперитивом и немного выпить, прежде чем идти в ресторан, где мы будем смеяться и спорить о политике и искусстве. Я успел бы добраться до дома, немного передохнуть, вымыться, переодеться, слушая музыку, поискать в Интернете какой-нибудь случайный факт, который вдруг придет в голову и покажется очень важным, и присоединиться к компании около девяти. Опаздывать никогда не входило в мои намерения, просто я люблю делать дела в своем темпе. Спешить — не в моем духе.

Сегодня я счастлив без какой-либо причины. Но в этом нет ничего особенно странного.

Вернувшись домой, я дождался лифта и нетерпеливо шевелил пальцами в карманах, пока тот преодоле-